
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОСТИЖЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, ЕВРОПЕЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ

В.М. Середенко

Кафедра дальневосточных языков
Военный университет Министерства обороны
ул. Большая Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

В данной статье автор исследовал и провел сравнительный анализ особенностей теорий порождения речи европейской, отечественной и японской психолингвистической школ с целью выявления наиболее характерных тенденций их развития и взаимовлияния.

Ключевые слова: японская психолингвистика, психологические исследования, лексические единицы, языковое существование, иероглифическая письменность, порождение и восприятие речи.

Принято считать, что психолингвистика зародилась в конце 50-х гг. XX в. в США. Именно американскими психологами был предложен сам термин «психолингвистика», что придало формальный статус уже сложившемуся научному направлению. Формирование психолингвистики началось под влиянием информационного подхода как общенаучной парадигмы. В связи с этим особое значение имеют исследования Осгуда, рассматривавшего процесс передачи информации с помощью речевого сообщения. По мере компьютеризации мировой науки и активизации исследований в области компьютерного моделирования интеллектуальных процессов интересы психолингвистики перемещаются в область проведения аналогий между работой мозга и работой компьютера. Существенный вклад в исследования данной области внес Гарнхэм, разработавший такие понятия, как «переработка языка», «множественный доступ», «переработка как исчисление синтаксической структуры».

А.А. Леонтьев, проведя углубленный анализ, выделил три последовательных этапа развития западной психолингвистики как науки. Данные понятия были названы им психолингвистическими поколениями.

Представителями психолингвистики первого поколения являлись Ч. Осгуд, Дж. Кэрролл, Т. Сибек, Ф. Лаунсбери и др., и наиболее яркими представителями психолингвистики второго поколения — Дж. Миллер, Н. Хомский (Чамски) и Д. Слобин. Психолингвистика третьего поколения сформировалась в середине 70-х гг. XX в. Она связана в США с именами Джерома Брунера и Дж. Верч; во Франции — Жака Мелера, Жоржа Нуазе, Даниэль Дюбуа; в Норвегии — с именем талантливого психолингвиста Р. Ромметвейта.

Большое влияние на психолингвистику оказали «когнитивные революции», первая из которых рассматривается как устойчивый переход от свойственного бихевиоризму изучения объективного поведения к изучению когнитивных феноменов. Именно в этом контексте рассматриваются работы Хомского, выступившего с критикой бихевиористской концепции языка. Достижения Хомского привели к исследованию ментального в противовес поведенческому [1]. И хотя в дальнейшем ориентированность Хомского на разработку трансформационной

порождающей грамматики увела его от исследования познавательных процессов как таковых, тем не менее, его вклад в изучение когнитивных феноменов неоспорим.

Американские и англоязычные психолингвисты по преимуществу являются психологами по образованию. Их исследования традиционно опираются на генеративную грамматику Н. Хомского. Исходя из этого можно сказать, что американская психолингвистическая традиция сосредоточена в основном на попытках проверить, в какой мере психологические гипотезы, основанные на идеях Хомского, соответствуют наблюдаемому речевому поведению.

Модель Хомского спровоцировала резкое изменение ситуации в американской психолингвистике. Впервые сформулированная им в работе «Синтаксические структуры», она вскоре приобрела широкую известность в лингвистике многих стран. Активным пропагандистом идеи Хомского стал Джордж Миллер [2]. Наиболее важным положением психолингвистической школы Хомского—Миллера является идея универсальных врожденных правил оперирования языком. Она была сформулирована на основе того факта, что языковой материал, усваиваемый ребенком, не содержит данных правил в эксплицитной форме. Кроме того, любой ребенок одинаково свободно может овладеть как родным языком, так и любым другим, даже кардинально отличающимся по структуре от родного языка.

К числу наиболее значимых достижений Хомского также относится различие им «языковой способности» (linguistic competence) и «языковой активности» (linguistic performance). Под первой Хомский подразумевал потенциальное знание языка, которое описывается порождающей моделью, а под второй — процессы, происходящие при применении этой языковой способности в реальной речевой деятельности. Первая — предмет лингвистики, вторая — психологии. Подавляющее большинство исследований психолингвистической школы Хомского—Миллера направлено на анализ и количественную оценку психологической реальности компонентов языковой структуры, а также правил перехода от языковой структуры к какому-либо иному. В этом отношении широкую известность приобрело понятие когнитивной структуры. К числу психолингвистов, давших этому понятию серьезное научное истолкование, принадлежит Дэн Слобин [3]. В частности, Слобин ввел и экспериментально обосновал понятие обратимости—необратимости языковых структур. Главный вывод его теории заключается в том, что в речевом механизме человека существует звено, осуществляющее содержательную оценку языковой информации независимо от анализа языковой структуры предложения. Вывод этот важен по той причине, что ставит под сомнение основную идею Хомского относительно языковой способности.

В дальнейшем Слобин развивает и углубляет свой подход, стремясь связать закономерности усвоения языка с доречевыми формами поведения и вообще представить психолингвистические закономерности как частный случай общепсихологических.

Еще в 50-х гг. Брунером было показано, что развитие познавательной деятельности ребенка зависит от того, насколько успешно ребенок использует слова в качестве знаков, обобщающих и замещающих реальные объекты.

Основные идеи Брунера и его коллег изложены в коллективной монографии, главное значение которой заключается в описании соответствующей методики изучения различных стратегий формирования понятий [4].

В числе предложенных Брунером стратегий: сканирование (одновременное и последовательное) и сосредоточение (консервативное и рискованное).

В 70-е гг. большой вклад в развитие данного положения был внесен американским психологом Э. Рош. Ею впервые было предложено отказаться от рассмотрения совокупности членов категории как множества равноправных объектов, охватываемых обобщающим именем. Рош попыталась показать, что существовавшая ранее традиция равноправия членов категории не соответствует психологической реальности. Она представила категорию как структуру, на которой заданы отношения между центром и периферией. В центре сосредоточены типичные представители категории, по мере удаления от центра — уменьшается типичность объектов. Благодаря трудам Рош было составлено описание культурно зависимых особенностей психологических и языковых структур.

Вторая «когнитивная революция» характеризуется переходом от акцентирования внимания на слове и предложении к тексту и дискурсу. Фундаментальная значимость данного перехода связана с осознанием в мировой науке роли межличностных знаковых взаимодействий в умственных процессах. Дискурсивный подход трактует активность как когнитивную в том случае, если реализующий ее человек использует символы, направленные вне его и подчиняющиеся некоторым нормативам, определяющим корректность или некорректность этих символов.

Оформление дискурсивного подхода к психолингвистике продуцировало исследования в области дискурса с переносом акцентов с синтаксиса на семантику. В этой области интересны исследования Гарнхэма, Теста и Кэрролла. Кэрролл, рассматривая усиливающуюся трактовку психолингвистики как части междисциплинарной когнитивной науки, отмечает, что в настоящее время изучение того, как люди понимают, запоминают и продуцируют дискурс, является одной из наиболее распространенных областей исследования. Достижение Кэрролла также заключается в том, что он рассмотрел виды знания, вовлеченного в пользование языком, биологические основы языка и взаимодействие языка, культуры и познания [5].

Несколько иной подход к психолингвистике сложился в Европе, где существовала собственная, основательно разработанная психологическая традиция. Идеи Хомского—Миллера получили развитие и в Европе, но в особом ключе, в так называемом направлении психологизации и социологизации. В этом отношении одна из важнейших идей принадлежит Джудит Грин, подвергшей экспериментально-психолингвистические исследования критическому анализу с позиций «настоящей» психологии. Ее основной труд «Психолингвистика: Хомский и психология» интересен тем, что в нем систематизированы и детально изложены важнейшие экспериментально-психолингвистические методики и важнейшие полученные результаты.

Ж. Нуазе выдвинул необходимость разработки автономной психолингвистики, то есть преодоления изоморфизма языковых и психологических структур [6]. Согласно Нуазе специфические, автономные и психолингвистические операции

имеют одновременно когнитивную и коммуникативную природу. Когнитивный характер операций приобретает посредством реализации в общении, речевом взаимодействии. Идеи Нуазе поддержал Ж. Меллер, считавший психолингвистику частью когнитивной психологии [7].

Важнейшее положение европейской психолингвистики было сформировано Д. Дюбуа, которое кратко можно сформулировать следующим образом: язык не должен рассматриваться только как формальный объект, одинаковый для всех человеческих существ, но как объект социальный и исторически детерминированный [8]. Идеи Дюбуа поддержал Р. Румметфейт, критиковавший второе поколение психолингвистики, рассматривавшее высказывания, вырванные из коммуникативного окружения [9].

Европейская психолингвистика допускает совершенно иное функциональное соотношение грамматики и семантики порождения и восприятия порождения и восприятия предложения, отличное от модели Хомского. Тем не менее, европейские ученые поддерживают подход к психолингвистике с позиций «психологической реальности» языковых единиц и структур, т.е. идеи полного или частичного изоморфизма «когнитивных» или психолингвистических структур и структур языковых.

С конца 70-х гг. проблемное поле психолингвистики начинает развиваться при участии смежных с ней наук. Прежде всего, это комплекс когнитивных наук. В связи с этим интересы психолингвистики начинают тесно переплетаться с задачами когнитивной психологии и психологии развития. Это обусловлено также и тем, что язык является важнейшим инструментом, с помощью которого человек приобретает и обобщает свои знания, фиксирует их и передает в социум. В данном контексте особую значимость приобретает исследование А. Вежбицкой, которая разработала «язык примитивов» — универсальный словарь базовых слов, позволяющий описывать и сравнивать значения слов, грамматических элементов и фраз в разных языках с позиции говорящего и воспринимающего речь индивидов [10].

Вежбицкая полагала, что в языке любой элемент высказывания значим, поскольку он реализует определенные коммуникативные намерения говорящего и соотносится с установками слушающего. Кроме того, Вежбицкая показала культурно обусловленную разницу в интерпретации многих понятий, которые мы склонны считать общечеловеческими и потому, предположительно, имеющими один и тот смысл для представителя любой культуры. Именно Вежбицкой принадлежит заслуга реализации на конкретном языковом материале принципа описания «человека в языке».

Сфера отечественной психолингвистической традиции сосредоточена на понимании языка как «системы чистых отношений». Отечественные ученые в исследовательских целях отчуждают язык от психики носителя. Таким образом, отечественную психолингвистику можно охарактеризовать как психолингвистику «от противного». Отечественная традиция психолингвистического подхода восходит к И.А. Бодуэну-Де-Куртене. Еще задолго до того как группа американских ученых ввела в обиход термин «психолингвистика», Бодуэн уже говорил о языке как о «психосоциальной сущности».

Основным достижением Бодуэна можно считать исследования в области звуковой организации языка. В частности, он выделил фонему как минимальную единицу языка и обозначил ее как «представление звука», поскольку, согласно его теории, смысловозначительная функция фонемы осуществляется в процессе определенных психических актов [11].

В дальнейшем достижения Бодуэна использовались в работах В.А. Богородицкого и Л.В. Щербы. В известной статье Щербы «О тройном аспекте...» содержатся значимые для современной психолингвистики идеи. В первую очередь, это акцент на изучении реальных процессов говорения и слушания, понимания живой разговорной речи как особой системы, изучения «отрицательного языкового материала» (этот термин Щерба ввел для высказываний с пометкой «так не говорят») [12]. Еще одно наиболее значимое достижение Щербы — особое место, отведенное лингвистическому эксперименту.

В изучении реальных процессов говорения и слушания особая заслуга принадлежит программе изучения разговорной речи, разработанной М.В. Пановым и впоследствии реализованной Е.А. Земской. Ими впервые был сформулирован взгляд на разговорную речь как на особую систему, существующую параллельно с системой кодифицированного литературного языка. Разработанный ими подход позволил рассмотреть под новым углом зрения не только разговорную речь, но и ряд других важных проблем, в числе которых проблема речевых ошибок [13].

Важнейшим вопросом психолингвистики 50-х гг. являлась разработка новой методологии научного исследования, которая должна была объединить в себе наиболее перспективные методы теоретического и экспериментального исследования явлений языка и речи. Одна из первых работ в данной области принадлежала отечественному ученому Л.С. Выготскому.

Научные открытия Выготского послужили научно-теоретической основой для выделения психолингвистики в самостоятельную область научного знания. Его вклад в психолингвистику заключается в разработке перспективных и глубоких научных концепций и природе явлений языка и речи, о диалектическом единстве процессов мышления и речи, закономерностях формирования речи и усвоения языка в ходе онтогенеза.

Вместе с Выготским значительный вклад в возникновении отечественной психолингвистики внесли такие представители психологической и лингвистической школ, как П.П. Блонский, С.Л. Рубенштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов.

Признание психолингвистики в отечественной научной среде состоялось только в начале 60-х гг. XX столетия. Тем не менее, ее развитие протекало весьма интенсивно, а ее достижения получили признание во всем мире. Это произошло во многом благодаря таким ученым, как П.Я. Гальперин, В.А. Артемов, Н.И. Жинкин, Е.Ф. Тарасов, Р.М. Фрумкина, А.К. Маркова.

К концу XX столетия в теоретической психолингвистике сложилось несколько направлений, сосредоточенных на теоретическом и экспериментальном исследовании специфических проблем речевой деятельности, в числе которых рефлексивная психолингвистика, направленная на моделирование речевых процессов, осуществляемых в форме сознательной интеллектуальной деятельности. Большой

вклад в развитие данной проблемы внесли представители московской психолингвистической школы, в частности А.Н. Леонтьев (концепция уровней осознания деятельности) [14], П.Я. Гальперин (теория управления усвоением умственных действий) [15], а также Л.С. Выготский [16].

Одни из последних достижений отечественной психолингвистики лежат в области недавно оформившегося направления психологии человека и психологии речи. К ним относится разработанная Е.Ф. Тарасовой теория речевой коммуникации, семиосоциопсихология, подробно развитая Т.М. Дридзе [17].

В отечественной психолингвистике имеется направление, тесно связанное с массовой коммуникацией. Данная теория изучает восприятие текстов для радио- и телепередач, эффективность воздействия газетных текстов, влияние на сознание человека политических плакатов и лозунгов, рекламы.

Помимо этого в отечественной психолингвистике есть особое направление, изучающее круг проблем, являющихся традиционно областью исследования культурологии и национальной психологии. Данное направление получило название этнопсихолингвистики. В сферу ее интересов включены особенности той или иной культуры в ее языковом проявлении, в том числе язык жестов, мимики и телодвижений, используемых представителями того или иного этноса.

Значительный вклад в развитие данного направления внес Ю.А. Сорокин. Под его руководством была издана коллективная монография «Этнопсихолингвистика» [18. С. 192]. В ней рассматривались различия и совпадения в вербальном и невербальном поведении носителей тех или иных языков в рамках триады «этнос — язык — культура». В этой же работе Сорокиным была затронута проблема лакун и их компенсации, рассмотрены способы изображения человека в китайском художественной литературе, специфика речевого этикета англичан, способы речевого взаимодействия японцев и многое другое.

Интересы японской психолингвистики сосредоточены преимущественно в области исследования взаимосвязей речевой и мыслительной деятельности в японском языке.

Японская психолингвистика традиционно следует по собственной линии развития. В связи с этим сфера ее интересов сосредоточена на изучении особенностей речевой деятельности и связанных с ней ментальных процессов, характерных для представителей японской нации. Несмотря на это достижения японской психолингвистики важны не только для развития японской науки, но и для мировой науки в целом. Таковы, например, исследования специфики восприятия иероглифического письма и слоговой азбуки. Большая заслуга в дальнейшей разработке теории принадлежит Хэтта, описавшего стадии восприятия кандзи. Относительно новой областью в японской психолингвистике является изучение восприятия предложений [19. С. 51—59].

Теория левополушарного восприятия письменной речи японцами отразилась не только на восприятии отдельных графем, но также и отдельных слов, предложений текста. Исходя из этого мы можем сделать вывод о том, что японская психолингвистика сосредоточена на грамматической стороне речи. Большое значение в данном контексте имеют экспериментальные исследования Масуи и Кавасаки

[20. С. 23—29], наглядно продемонстрировавшие сохранение в памяти и воспроизведение различных текстов. Результаты данных экспериментов показали, что текст воспринимается значительно легче в том случае, если по ходу его прочтения необходимо совершить некоторые действия, например, ответить на вопросы, подобрать аналогии, благодаря чему выстраивается мысленная схема текста.

Очень сильна в современной психологии речи и психолингвистике тенденция исследовать различие стратегий речи в зависимости от установки говорящего. Здесь можно отметить доклад японского психолога Тошио Иритани на XIX Международном психологическом конгрессе [21].

Имеется ряд экспериментов по угадыванию значений искусственных и естественных слов с различными ограничениями и условиями. С. Цуру и Г. Фриз предлагали своим испытуемым (носителям английского языка) угадывать значения японских слов (причем установили, что вероятность правильных угадываний превышает ожидаемую при полностью случайном угадывании) [22].

Обширную область японской психолингвистики составляет так называемая гендерная лингвистика, изучающая различия в языковом поведении мужчин и женщин. Прежде всего необходимо отметить исследования интонационных и акцентуационных особенностей, проведенные Сибамото. В частности, автор отметил тот факт, что различия мужской и женской японской речи заметны независимо от стиля, именно в устных вариантах языка: женская речь характеризуется большей величиной смены тона и большим использованием контрастивных моделей тона.

Японская наука внесла свой вклад в развитие этнопсихолингвистики. Особое значение в данной области имеют проведенные Судзуки Такао исследования речевого поведения членов японского языкового коллектива. Японский языковой коллектив в его работах наделялся высокой степенью ритуальности общения, в частности, предпочтением сохранения гармонии человеческих отношений, оригинальности вербального общения. Склонность к ритуальности общения делает в некоторых случаях речевое поведение члена японского языкового коллектива ситуационно предсказуемым. Стереотипичность речевой коммуникации в японском языковом коллективе тесно взаимосвязана со стандартизованностью неречевого поведения японцев, их приверженностью к традиции, к следованию нормам и правилам [23].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Chomsky N.* Syntactic Structures. — Den Haag, 1957.
- [2] *Miller G.A., Selfridge J.A.* Verbal context and the recall of meaningful material // *American Journal of Psychology*. — 1951. — V. 63.
- [3] *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. — М., 1976.
- [4] *Bruner J., Goodnow J.J., Austin G.A.* A study of thinking. — New York: Science Editions, 1967.
- [5] *Carroll J.B.* The Study of Language. — Cambridge (Mass.), 1953.
- [6] *Noizet G.* De la perception a la comprehension du langage. — Paris, 1980.
- [7] *Mehler J., Noizet G.* Vers une modele psycholinguistique du locuteur // *Textes pour une psycholinguistique*. — Paris: La Haye, 1974.
- [8] *Dubois D.* Theories linguistiques, modeles informatiques, experimentation psycholinguistique. — Paris, 1975.

- [9] *Rommetveit R.* Words, Meanings and Messages. — New York, 1968.
- [10] *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. — М., 2001.
- [11] *Штибер З.* Теория фонем И.А. Бодуэна де Куртенэ в современном языкознании // Вопросы языкознания. — 1955. — № 4.
- [12] *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — М.: Наука, 1974.
- [13] *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е.А. Земской и С.М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2007.
- [14] *Леонтьев А.Н.* Психологические вопросы сознательности учения // Изв. АПН РСФСР. — 1946. — Вып. 7.
- [15] *Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — Исследования мышления в советской психологии. — М., 1966 // Введение в психологию. — М., 1976.
- [16] *Выготский Л.С.* Мышление и речь. — М., 1999.
- [17] *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. — М.: Наука, 1984.
- [18] *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н.* и др. Этнопсихоллингвистика / Под ред. Ю.А. Сорокина. — М.: Наука, 1988.
- [19] *Hatta T.* Recognition of Japanese Kanji and Hirakana in the Left and Right Visual Fields. Japanese Psychological Research, 1978.
- [20] *Kawasaki E.* Monogatari no Kioku ni Okeru Shori Tani to Monoga-tari Kozo ni Tsuite [The Processing Unit and Story Structure in Memory for Story.] The Japanese Journal of Psychology. — 1988.
- [21] *Iritani T.* A social psychological theory of the Japanese language based on the interrelations of linguistic, psychological and social structures. XIX International Congress of Psychology, Abstracts of Submitted Papers, Specially invited Papers and Films. — London, 1969.
- [22] *Tsuru S., Fries H.* A problem of meaning // Journal of general psychology. — 1933. — V. 8.
- [23] *Suzuki T.* Internatoonalization and Language // Japan Times. — 09.02.1987.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PROGRESS MADE BY RUSSIAN, AND JAPANESE PSYCHOLINGUISTICS

V.M. Seredenko

The Faculty of Fareast Languages
The Ministry of Defense University
Bolshaya Sadovaya str., 14, Moscow, Russia, 123001

In this article author researched, analyzed and compared characteristics of Russian, European and Japanese psycholinguistics to find out the most typical ways of theirs development and reciprocal influence.

Key words: Japanese psycholinguistics, psycholinguistic researches, lexical meanings, language existence, hieroglyphic written language, the creation and perception of speech.